

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.31857/S086919080023373-7

ИРАН – «ТАЛИБАН»: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ЭТАПОВ ОТНОШЕНИЙ

© 2022

Г.Г. МАЧИТИДЗЕ^а^а – Институт международных исследований МГИМО МИД России
ORCID:0000-0003-2402-1909; mggkabal@gmail.com

Резюме: Статья посвящена сравнительному анализу политики Ирана на разных этапах отношений с движением «Талибан» за последние 30 лет. Проведенное исследование позволяет утверждать, что эти отношения можно условно разделить на три этапа: конфронтационный, прагматичный и публичный. Опора Тегерана на Северный альянс, выступавший против талибов, привела к серьезной конфронтации с талибами во второй половине 1990-х гг., когда стороны оказались на грани военного столкновения. Осознание необходимости сдерживания США, чье военное присутствие в Афганистане не ограничивалось какими-либо сроками, привело к смене критического подхода Тегерана к талибам на прагматический. Трансформация взглядов иранской верхушки совпала с развертыванием талибами повстанческого движения в стране против иностранных оккупантов. С переходом от враждебности к прагматизму Иран начал оказывать движению «Талибан» военно-техническую помощь. Успехи талибов в противостоянии с правительственными и коалиционными силами, интенсификация усилий Вашингтона по достижению договоренностей с «Талибаном» относительно его будущей роли в политическом устройстве Афганистана, а также активность Пакистана и Саудовской Аравии в том же направлении способствовали переформатированию отношений Тегерана с «Талибаном» на публичные. Официальные контакты как с талибами, так и с правительством Афганистана позволили Ирану играть определенную роль в афганском мирном процессе. Вместе с тем автор отмечает, что ирано-талибские связи никогда не представляли собой прочный союз, а строились при соблюдении каждой стороной своих интересов. Формальное непризнание Тегераном режима талибов не мешает развитию взаимных торгово-экономических отношений. В заключение автор приходит к выводу, что иранский прагматизм способствовал установлению на современном этапе нормальных отношений между Тегераном и Кабулом. Однако неопределенности с точки зрения дальнейшего пути развития Афганистана при талибах могут возродить болезненные для обеих сторон проблемы.

Ключевые слова: Иран, движение «Талибан», конфронтация, прагматизм, публичность, Афганистан, США.

Для цитирования: Мачитидзе Г.Г. Иран – «Талибан»: сравнительный анализ этапов отношений. Восток (Oriens). 2022. № 6. С. 112–123. DOI: 10.31857/S086919080023373-7

IRAN – “TALIBAN”: A COMPARATIVE ANALYSIS
OF RELATIONSHIP STAGES

© 2022

Georgy G. MACHITIDZE^a^a – Institute for International Studies, MGIMO University, Moscow, Russia
ORCID:0000-0003-2402-1909, mggkابل@gmail.com

Abstract: *The article is devoted to comparative analysis of Iran's relations with the Taliban in the past 30 years. The conducted research suggests that these relations can be divided into three stages: confrontational, pragmatic and public. Tehran's initial reliance on the anti-Taliban Northern Alliance led to a serious confrontation with the Taliban in the 1990s. The realization of the need to contain the United States led to a change in Tehran's critical approach to the Taliban to a pragmatic one. The transformation of the Iranian elite's views coincided with the start of the Taliban insurgency in the country. With the transition from hostility to pragmatism, Iran began to provide military assistance to the Taliban. The success of the Taliban in confronting government and coalition forces, the intensification of Washington's efforts to reach agreements with the Taliban, as well as Pakistan and Saudi Arabia's actions in the same direction, contributed to the reformatting of Tehran's relations with the Taliban into public ones. The author notes that Iranian-Taliban ties have never been a strong alliance, with each side respecting its own interests. Formal non-recognition of the Taliban regime by Tehran does not hinder the development of trade economic relations. The author comes to the conclusion that Iranian pragmatism contributed to the establishment of normal relations between Tehran and Kabul, which is important for regional stability at the present stage. But uncertainties in terms of further development of Afghanistan under the Taliban can revive the painful problems for both sides.*

Keywords: Iran, Taliban, confrontation, pragmatism, publicity, Afghanistan, USA.

For citation: Machitidze G.G. Iran – “Taliban”: a Comparative Analysis of Relationship Stages. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 6. Pp. 112–123. DOI: 10.31857/S086919080023373-7

КОНФРОНТАЦИЯ (1996–2006)

В начале 1990-х гг. Иран, опасаясь роста влияния нарождающегося пуштуно-суннитского фундаментализма, поддержал продовольствием и ресурсами правительство Бурхануддина Раббани и соответственно «Исламское общество Афганистана», состоящее из персоязычных таджиков [Gohel 2010, p. 14]. В Тегеране посчитали, что поддержка в Афганистане таджикско-узбекского правительства позволит ему лучше обеспечить безопасность своих восточных границ и иранские стратегические интересы как в Афганистане, так и в новых государствах Центральной Азии.

В 1996 г. после свержения талибами правительства Б. Раббани напряженность в отношениях между Тегераном и движением «Талибан» стала нарастать, что вынудило иранское руководство принять адекватные меры для укрепления безопасности страны. При содействии иранских сил специального назначения «Аль-Кудс» было создано военизированное формирование из афганских шиитов «Сепак-э Мохаммед», главная задача которого заключалась в создании буферной зоны безопасности вдоль ирано-афганской границы. Однако группировка не справилась с поставленными задачами и была разгромлена талибами.

В итоге Тегеран принял решение присоединиться к России и Индии для оказания военной и финансовой помощи Северному альянсу.

С момента своего основания Исламская Республика Иран (ИРИ) зарекомендовала себя как глобальный защитник шиизма, вмешиваясь различными способами во внутренние дела других государств. Большое недовольство вызывала у иранского руководства политика правительства талибов в отношении хазарейского меньшинства Афганистана (примерно 10–20% от общей численности населения) [Alexandris, 2021], которое не только было исключено из общественно-политической жизни страны, но и тысячи представителей которого были репрессированы. В 1998 г. конфликт между Ираном и движением «Талибан» достиг своего апогея, когда при захвате иранского консульства в Мазари-Шарифе погибли иранские дипломаты. Утверждение известного американского специалиста Барнетта Рубина о том, что иранские дипломаты были убиты боевиками пакистанской суннитской сектантской группировки «Сипах-и Сахаба» ничего не меняет [Rubin, 2020]. Очевидно, что совершение этого преступления не могло произойти без молчаливого согласия полевых командиров движения «Талибан». Тегеран выдвинул к границе 200-тысячную армейскую группировку, и обе страны были на грани войны.

Нет сомнения в том, что поддержка Ираном в конце 1990-х гг. антиталибского фронта сопротивления на севере Афганистана, известного как «Джабха-и-Муттахед», имела решающее значение в нанесении талибам чувствительных поражений [Tohmaï et al., 2021]. Иранское религиозно-политическое руководство было убеждено в том, что суннитское исламистское правительство талибов окажет негативное влияние на региональную безопасность. Поэтому Иран после террористического акта 11 сентября и вторжения США в Афганистан, оказал американцам не только военное содействие в борьбе с талибами, но и политико-дипломатическую поддержку на переговорах ООН по Афганистану в Бонне.

Нельзя не отметить, что после 2001 г. в Афганистане активно действовали сотрудники иранского Корпуса стражей исламской революции (КСИР). Соответственно у Ирана возникла объективная возможность расширить свое влияние в Афганистане, так как непримиримые талибы были повержены, а Северный альянс захватил власть. Тегеран во время Боннской конференции 2001 г. по восстановлению Афганистана способствовал созданию новой афганской администрации без участия талибов. Более того, иранцы убедили представителей Северного альянса не возражать против выдвижения кандидатуры поддерживаемого США пуштунa Хамида Карзая на пост главы переходной администрации Афганистана. Проявляя подобную гибкость, иранцы решали одну из своих главных задач – сохранить западную часть Афганистана в качестве сферы своего влияния, которая до середины XIX в. считалась «неотъемлемой частью» Ирана.

Прагматизм афганской политики Ирана отчетливо проявился и в той значительной роли, которую Тегеран сыграл в последующем развитии Афганистана как источник инвестиций в инфраструктуру этой страны, хотя основная часть иранских инвестиций поступала именно в западную провинцию Герат. В 2002 г. Иран предоставил новому афганскому правительству финансовую помощь в размере 500 млн долл. США [Bolourchi, 2021]. Укрепляя свои позиции в Афганистане, иранцы в начале 2000-х гг. действовали через доверенных лиц не только из числа представителей Северного альянса, но и из окружения Х. Карзая, активно используя фактор материальной заинтересованности.

Обеспечение собственной безопасности и стабильности вдоль ирано-афганской границы оставалось приоритетным направлением афганской политики Ирана. Внимательно отслеживая направленность деятельности движения «Талибан», иранцы стали отмечать подготовку талибов к активным повстанческим действиям против иностранных «оккупантов» и правительственных сил [Jones, 2008]. В 2003–2004 гг. «Талибан» начал восста-

навливать силы, активизировавшись в южных провинциях Афганистана. В конце 2004 г., когда лидер талибов Мулла Омар объявил о начале борьбы за восстановление суверенитета Афганистана против «США и их марионеток» [Сажин, 2021], в Тегеране начали подумывать о более прагматичном подходе к отношениям с талибами.

ОТ ВРАЖДЕБНОСТИ К ПРАГМАТИЗМУ (2005–2017)

В 2005 г. Иран меняет свою политику, начинает неофициально взаимодействовать с талибами, продолжая поддерживать правительство Хамида Карзая, а затем Ашрафа Гани. Несмотря на то, что шиитское теократическое иранское государство имело мало сходства с пуштунским суннитским движением «Талибан», военная верхушка Ирана и часть религиозно-политического истеблишмента страны, закрыв глаза на прошлую враждебность, готовы были оказать содействие талибам для решения задач по сдерживанию США. Долгосрочное военное присутствие американцев в Афганистане все больше начинало беспокоить иранское руководство, что подтолкнуло Тегеран к продолжительным контактам с движением «Талибан». Американские военные неоднократно упоминали «неоднозначную роль» Ирана, который оказывал помощь афганскому правительству и в то же время обучал боевиков и поставлял оружие талибам через спецназ «Аль-Кудс» [Christensen, 2011, p. 33]. В то же время в Вашингтоне признавали, что предоставленная талибам иранская военная помощь оказывает определенное давление на США в Афганистане, однако недостаточна, чтобы вызвать ответные действия со стороны американских военных [Worden, 2018].

В свете американской политики смены режимов в различных странах Тегеран всерьез рассматривал военное присутствие США в Афганистане как часть плана по окружению Ирана, нападения с двух направлений – из района Персидского залива и Афганистана. В 2005 г. новый иранский президент Махмуд Ахмадинежад безуспешно пытался договориться с Кабулом о подписании какого-либо документа о стратегическом партнерстве, чтобы обезопасить себя от возможных агрессивных действий США с территории Афганистана.

В то же время в Тегеране отдавали себе отчет в том, что как военное присутствие войск США, так и их вывод из Афганистана представляют угрозу для Ирана. На новое иранское руководство продолжало оказывать влияние мнение о том, что «Талибан» при поддержке США тайно финансируется Саудовской Аравией. В представлении М. Ахмадинежада и его окружения «Талибан» не особенно отличался от «Аль-Каиды» и с ним нельзя было устанавливать политические контакты. Лишь в 2009 г. «дорожки» саудовцев и талибов разошлись, когда талибы не согласились с предварительными условиями Эр-Рияда для выступления в качестве посредника между «Талибаном», с одной стороны, и властями США и Афганистана, с другой.

Появилась информация о том, что поток разнообразного оружия из Ирана в Афганистан, которое попадало в руки талибов через иранских бизнесменов контрабандой и КСИР, резко возрос. В марте 2009 г. афганские силы безопасности обнаружили тайник со взрывчаткой иранского производства в провинции Фарах [Tehran Accused of Complicity, 2009], а также и в южных провинциях Афганистана. Обеспечив дополнительным оружием и стимулировав, тем самым, талибов к активным военным действиям, Тегеран пытался в целом отвлечь внимание США от Ирана, ограничить влияние американцев в Афганистане, обеспечив себе свободу рук в зоне своих экономических интересов, в западной провинции Герат.

После 2010 г. Иран продолжал строить свою афганскую политику по двум направлениям: развивать отношения с Кабулом, в том числе тайно финансируя администрацию президента Х. Карзая, и постепенно укрепляя свои связи с талибами. Тегеран рассматривал минимальную степень стабильности в Афганистане как жизненно важную для национальной

безопасности Ирана. Демонстрацией подобных намерений можно считать и Соглашение о стратегическом партнерстве, подписанное между двумя странами 5 августа 2013 г. Хотя взаимный товарооборот достиг 2 млрд долл. США, иранцы не ограничивались лишь экономическими средствами для укрепления своего влияния в Афганистане. Депутаты в афганском парламенте из числа шиитов-хазарейцев и персоязычных суннитов-таджиков зачастую лоббировали интересы Ирана. Активно использовались финансируемые иранцами печатные издания «Ансар», «Рошд», «Энсаф», телеканалы «Негах», «Нур», «Тамадон», «Рах-е Фарда». Целям идеологического воздействия на афганскую молодежь служил «Исламский университет Хатам-аль Набиин», построенный Ираном в Кабуле.

Тегеран продолжал поддерживать хорошие отношения с афганским правительством, если не считать давних межгосударственных споров по поводу воды, мигрантов и незаконного оборота наркотиков. Иран также оказывал финансовую поддержку лидерам легальной политической оппозиции. Еще одним фактором влияния Ирана в Афганистане должны были стать члены военизированного формирования «Фатемиян», которых, начиная с 2012 г., вербовал КСИР из числа шиитов-хазарейцев для поддержки сирийской армии в борьбе с джихадистами. Вернувшиеся из Сирии боевики этого подразделения становились проводниками иранской политики, и в случае необходимости их планировалось использовать против талибов [Divsalar, 2019].

Иранские стратеги полагают, что ограниченная поддержка «Талибана» вполне логична, так как нивелирует его воинственное поведение в отношении Ирана, о чем свидетельствовали частые пограничные столкновения на ирано-афганской границе. На протяжении нескольких лет иранцы поддерживали отношения с влиятельными полевыми командирами движения «Талибан» Абдул Кайюмом Закиром и Садром Ибрагимом, которые командовали большими формированиями на юге и западе Афганистана. Можно с большой долей уверенности утверждать, что прямые контакты между США и талибами, которые состоялись в Германии в 2010 г., подтолкнули руководство движения «Талибан» к началу политических переговоров с талибами. В Иране пришли к выводу, что «Талибан» может в перспективе стать важным компонентом политической системы Афганистана. Посещение представителями «Талибана» Ирана было зафиксировано в 2013 г., когда состоялись переговоры относительно перспектив политического устройства Афганистана. В 2015 г. члены политического офиса движения «Талибан» в Дохе (Катар) во главе с Мохаммадом Акбаром Агой прибыли в Тегеран для обсуждения афганских и региональных проблем.

Вся политическая активность движения «Талибан», которая основывалась на успешном вооруженном сопротивлении афганским властям, преследовала главную цель – добиться международного признания в качестве политического движения, сняв с себя ярлык террористической организации. Действуя в этом русле, талибы старались преуменьшить свой суннитско-пуштунский настрой, всячески афишировали хорошие отношения с хазарейцами, называя их братьями-мусульманами и признавая их афганцами. Тегеран умело воспользовался ситуацией, чтобы оправдать свое взаимодействие с движением «Талибан» вопреки той критике, которая продолжала раздаваться в самом Иране, сопровождаемая призывами не доверять талибам. Следует также подчеркнуть, что к этому времени на протяжении нескольких лет талибы весьма небезуспешно привлекали на свою сторону афганских таджиков и узбеков, меняя свой имидж с чисто пуштунского на общеафганское освободительное движение.

В определенной степени действия Тегерана де-факто привели к формированию управляемой нестабильности в Афганистане, в условиях которой иранцы в «разумных» пределах поддерживая талибов, создавали «головную боль» для американцев, отвлекая их от Ирана. В Вашингтоне же полагали, что нет достаточных оснований утверждать, что

Тегеран стремится нанести ущерб безопасности США, создав в Афганистане состояние хаотической нестабильности [Ramani, 2018(1)]. Вместе с тем немалую озабоченность все это вызывало у афганского правительства, которое испытывало нарастающие трудности в борьбе с талибами.

В 2014–2015 гг. возникли новые факторы, способствующие сближению талибов с Ираном: появление в Афганистане группировки ИГИЛ-Хорасан, напряженность в отношениях между Пакистаном и талибами, раскол между Саудовской Аравией и Катаром. Создание ИГИЛ-Хорасан в соседней стране представляло непосредственную угрозу для Ирана в провинциях Хорасан и Систан-Белуджистан, учитывая, что суннитские исламисты периодически атаковали шиитские военные и гражданские объекты на юго-востоке Ирана с территорий Афганистана и Пакистана. Поэтому объективная необходимость способствовала объединению усилий иранцев с талибами для противостояния афганскому филиалу ИГИЛ. Тегеран расширил масштабы помощи движению «Талибан» в плане финансирования, обучения и вооружения боевиков [Lim, 2021].

Пакистан крайне ревностно относился к взаимодействию между Ираном и талибами, которое последние использовали для того, чтобы нейтрализовать давление со стороны Исламабада. Особое недовольство пакистанцев вызывало поведение фактического руководителя движения «Талибан» Муллы Мансура, который совершал регулярные поездки в Тегеран под предлогом посещения своей второй семьи и где, на самом деле, вел переговоры с иранской стороной. Среди талибов было распространено мнение, что Мулла Мансур руководит организацией по поручению Муллы Омара, от которого получает инструкции через посыльного. В июле 2015 г. предположительно пакистанские спецслужбы организовали утечку информации о том, что в действительности Мулла Омар умер два года назад, и получалось, что Мулла Мансур фактически незаконно узурпировал власть. Однако попытка дискредитации Муллы Мансура не увенчалась успехом, он уже на законных основаниях стал лидером движения, продолжая сотрудничать с иранцами. В результате 21 мая 2016 г., возвращаясь из поездки в Иран по территории пакистанского Белуджистана, он был убит американским ударным беспилотником, запущенным из Афганистана. С подачи Исламабада новым лидером движения «Талибан» стал Мавлави Хайбатулла Ахундзада.

Военно-техническое сотрудничество с талибами отнюдь не мешало иранцам уделять внимание вопросу восстановления мира в Афганистане. Одним из таких проявлений была поддержка в 2016 г. позиции официального Кабула по заключению мирного соглашения с Исламской партией Афганистана (ИПА) во главе с Г. Хекматъяром.

ПУБЛИЧНЫЙ ХАРАКТЕР ОТНОШЕНИЙ ИРАНА С ТАЛИБАМИ (2018–2021)

Негласное взаимодействие Ирана с движением «Талибан», которое рассматривалось афганской общественностью как вмешательство во внутренние дела страны, а также неутрачиваемые разногласия по поводу водопользования реки Гильменд периодически преодолевались Тегераном и Кабулом. Наблюдался рост экономической взаимозависимости в условиях ухудшения экономической ситуации в обеих странах, стремление ускорить реализацию важного проекта строительства иранского порта Чабахар, а также желание Тегерана выступить в роли миротворца, положив конец войне в Афганистане. Снижению двусторонней напряженности способствовала и встреча летом 2018 г. на саммите ШОС президентов Хасана Роухани и Ашрафа Гани [Ramani, 2018 (2)]. В то же время в мае 2018 г. КСИР оказал логистическую и разведывательную поддержку талибам в процессе наступления на город Фарах, центр одноименной провинции с населением около 500 тыс. человек. Тегеран не отрицал свою роль в этой операции, выразив серьезную озабоченность

по поводу значительного присутствия в Фарахе представителей американских спецслужб, работающих против Ирана.

Практически отношения Ирана с движением «Талибан» стали публичными в 2018 г. Этому способствовали военные успехи талибов в противостоянии с правительственными и коалиционными силами, интенсификация усилий Вашингтона по достижению договоренностей с «Талибаном» относительно его будущей роли в политическом устройстве Афганистана, а также активность Пакистана и Саудовской Аравии в том же направлении. Иранцы объясняли свои отношения с талибами необходимостью стимулирования межафганских переговоров [Fathollah-Nejad, Azizi, 2021], однако при этом в Тегеране полагали, что движение «Талибан» не должно доминировать в мирном процессе и не должно играть главную роль в определении будущего устройства страны.

На начальном этапе в 2018 г. визиты талибов были организованы КСИР без участия министерства иностранных дел ИРИ. Переговоры касались таких вопросов, как общая борьба против присутствия США в Афганистане, торговля наркотиками, нейтрализация поддерживаемых Саудовской Аравией группировок белуджей, охрана ирано-афганской границы от суннитских экстремистов, сотрудничество в борьбе с ИГИЛ-Хорасан, взаимодействие касательно военных операций США в провинции Гильменд и вдоль ирано-афганской границы. Во время своего визита в Кабул Али Шамхани, секретарь Высшего совета национальной обороны Ирана, проинформировал афганское правительство относительно поставок талибам легкого вооружения для решения проблем безопасности на афганской стороне границы. Были также даны заверения афганцам, что Тегеран не поставит движению «Талибан» переносных зенитно-ракетных комплексов, которые могли бы изменить ситуацию на поле боя. Позже, иранцы встречались с талибами в сентябре и ноябре 2019 г., когда Тегеран посетила делегация движения «Талибан» во главе с Муллою Барадаром, где провела переговоры с министром иностранных дел Ирана Джавадом Зарифом [Iran foreign minister 2019].

Консультации представителей движения «Талибан» с иранскими властями неслучайно совпали с началом, а затем временной приостановкой мирных переговоров талибов с США. Стало распространяться мнение, что якобы серьезно возросло значение Тегерана для талибов, которое указывает на растущее доверие между двумя сторонами и даже заговорили о долгосрочном союзе, основанном на политическом исламе. Доверие между талибами и иранцами, как правило, носило относительный характер, это был «брак по расчету» с обеих сторон. «Талибан» начал демонстрировать большее понимание региональной политики, опираясь не только на Исламабад и Тегеран, но и на другие страны. Нельзя забывать и о межконфессиональных различиях между талибами-суннитами и иранцами-шиитами.

Попытки иранцев убедить талибов прекратить огонь и начать диалог между всеми афганскими сторонами с участием представителей официального Кабула не увенчались успехом. Однако неудача не обескуражила Тегеран, который продолжал декларировать поддержку мирного процесса в Афганистане, что сопровождалось обязательствами взаимодействовать с Кабулом в борьбе с незаконной торговлей наркотиками. Иран последовательно участвовал в мирных переговорах в рамках «московского формата» по Афганистану и в инициативах Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) по борьбе с ИГИЛ. Несколько необъективным выглядело утверждение некоторых пакистанских экспертов о том, что раз Тегеран наладил хорошие отношения и с талибами, и с правительством Ашрафа Гани, то на межафганских переговорах иранцы смогут играть роль влиятельного посредника [Hussain, 2020]. Переговорная практика последних лет показала, что талибы четко следовали своему заранее выработанному сценарию, не соглашаясь на кардинальные уступки и весьма избирательно относясь к советам со стороны.

В ходе публичных контактов иранцы старались побудить талибов включить представителей этнических меньшинств в возможную новую правительственную коалицию. Параллельно Тегеран поддерживал хорошие отношения практически со всеми заинтересованными сторонами в Афганистане. В частности, специальный представитель Ирана по Афганистану Мохаммад Эбрагим Тахериан регулярно общался не только с переговорщиками движения «Талибан», но и с главой исполнительной власти Абдуллой Абдуллой, с лидером «Исламского общества» Салахудином Раббани, с руководителем Исламской организации Афганистана «Даава» Абдулом Расулом Сайяфом. Тегеран приветствовал достижение политического консенсуса после президентских выборов между Ашрафом Гани и Абдуллой Абдуллой. Иными словами, Иран стремился стимулировать более или менее благоприятный баланс политических сил в Афганистане. Иранцы также приложили необходимые усилия для нейтрализации недовольства некоторых командиров «Талибана», выступающих против соглашения между США и Исламским Эмиратом Афганистан. Даже группировка Хаккани, известная своими тесными связями с Пакистаном, начала сближаться с Ираном.

Отношение Тегерана к «Аль-Каиде» также можно считать частью стратеми по налаживанию связей с движением «Талибан». Принимая у себя функционеров «Аль-Каиды», иранцы, с одной стороны, полностью контролировали и продолжают контролировать их действия, а, с другой, – демонстрируют талибам свое гибкое отношение к суннитам [Clarke, 2021]. Поэтому в принципе на данном этапе развития внутривнутриполитической обстановки в Афганистане в условиях сдерживания террористической активности «Аль-Каиды» речь об угрозах с ее стороны в адрес Ирана не идет.

Важным фактором в ирано-афганских экономических отношениях являлся иранский экспорт, объем которого в 2020 г. достиг почти 4 млрд долл. В последние годы Афганистан являлся одним из немногих источников иностранной валюты для Ирана, который был отлучен от мировой банковской системы. Отсутствие достаточных валютных средств у нового правительства талибов негативно сказывается на объеме иранского экспорта, однако его большую часть трудно будет заменить дешевыми товарами из других стран. В любом случае, несмотря на финансово-экономические трудности, две страны остаются жизненно важными торговыми партнерами.

Опасаясь, что движение «Талибан» не сможет сдержать группировку ИГИЛ-Хорасан, которая регулярно осуществляет террористические акты против шиитов-хазарейцев, в начале 2021 г. министр иностранных дел Ирана Джавад Зариф предложил правительству Ашрафа Гани использовать бездействующих бойцов «Фатемийон» против игиловцев [Takeyh, 2021]. Тем более, что Тегеран четко обозначает свой стратегический приоритет – использование прокси-сил для анонимизации своего участия во внутренних делах других государств. Организация и финансирование Ираном шиитов-хазарейцев не могут не привлечь внимания правительства талибов, за чем неминуемо может последовать соответствующая реакция. В то же время поддержка Тегераном афганских беженцев-хазарейцев имеет свои пределы, о чем свидетельствует их депортация из Ирана. Подобные шаги иранского правительства следует рассматривать через призму внутренних и внешних проблем: социально-экономические сложности в развитии страны; невозможность содержать беженцев, обеспечить их работой; рост преступности в стране; давление при необходимости на Кабул для изменения его позиции по тем или иным проблемам двусторонних отношений.

Всю первую половину 2021 г. иранцы предпринимали активные дипломатические усилия, направленные на стимулирование афганского мирного процесса, побуждения талибов к отказу от насилия и формирования коалиционного «исламского правительства» Афганистана на базе основных этнических и конфессиональных групп населения страны.

Делались жесткие заявления в адрес талибов об их непризнании в случае прихода к власти насильственным путем [Nadimi, 2021]. Тегеран считал неприемлемым и восстановление Исламского Эмирата Афганистан. В июле 2021 г. во время визита в Тегеран четырех афганских делегаций, которые представляли движение «Талибан», правительство, парламент и легальную политическую оппозицию, было принято совместное заявление. Стороны решили отказаться от войны как способа афганского урегулирования, вновь собраться и обсудить механизм перехода от войны к постоянному миру и учреждение согласованной исламской системы [Mohajerani, 2021]. Однако действительность оказалась совершенно иной, талибы силой захватили власть и восстановили исламский эмират. Правда, нельзя сказать, что Иран долго находился в замешательстве, будучи под неприятным впечатлением столь стремительного прихода движения «Талибан» к власти. Активная работа по продвижению иранских интересов в Афганистане продолжилась, но без политического признания нового режима талибов.

С приходом движения «Талибан» к власти в августе 2021 г. некоторые американские эксперты выдвинули гипотезу о том, что теперь Иран столкнется с непредсказуемостью на своем восточном фронте. В этом утверждении больше пропагандистского налета, чем реалистичной оценки положения вещей. На протяжении многих лет одной из причин установления взаимовыгодных отношений с талибами было как раз обеспечение безопасности на ирано-афганской границе. К этому следует добавить заинтересованность правительства талибов в развитии торгово-экономических связей с Ираном, которые осуществляются через эту границу. Афганистан остро нуждается в иностранных инвестициях, и, кроме того, руководство движения «Талибан» хочет расширить состав своих внешних партнеров, чтобы уменьшить зависимость от Пакистана. По просьбе талибов Иран в середине сентября 2021 г. возобновил поставки бензина и дизельного топлива в Афганистан.

Разумеется, Иран беспокоит сохранение нестабильности в Афганистане в связи с возможным продолжением конфликта между талибами и этническими меньшинствами, что может привести к массовой миграции афганских беженцев, которых в Иране и без того насчитывается до 3 млн. Тегеран также может опасаться контактов между радикально настроенными суннитскими группировками, в том числе сторонниками ИГИЛ-Хорасан в Афганистане и иранскими салафитскими сепаратистскими группировками «Джейш уль-Адл» и «Ансар аль-Фуркан», что может привести к конфликтной ситуации на юго-востоке Ирана, где проживают большие суннитские общины и где ранее наблюдались беспорядки. Важно также, чтобы какие-нибудь радикально настроенные полевые командиры движения «Талибан» не предоставляли убежище повстанцам из иранской провинции Систан и Белуджистан [Why is Iran growing closer to Taliban, 2021]. Тегеран убежден в том, что территория Афганистана ни при каких обстоятельствах не должна использоваться для угроз или нападения на какую-либо страну, для предоставления убежища или обучения террористов, а также для планирования или финансирования террористических актов [Choksy J., Choksy C., 2021].

В принципе вполне вероятно, что роль Афганистана в рамках ближневосточной стратегии нового президента Ирана Эбрахима Раиси повысится. Тегеран пытается представить себя чуть ли не единственным надежным игроком на пространстве Большого Ближнего Востока, противостоящим США, особенно после провала проекта навязывания западной идентичности Афганистану. В геополитическом плане Иран надеется, что приход к власти талибов позволит ему улучшить отношения с Китаем и Россией, повысив ставки в качестве незаменимой региональной державы. Иранская политика «живи и дай жить другим», когда речь идет о талибах, также является частью его более широкой региональной политики консолидации и расширения своего влияния для обеспечения своей безопасности и сдержи-

вания враждебных сил [Ауооб, 2021]. В то же время Тегеран, с одной стороны, рассчитывает строить свою афганскую политику в зависимости от поведения правительства талибов, а, с другой, уже прочит Афганистану место в так называемой «Оси сопротивления», куда иранцы включают Иран, Йемен, Сирию, Ирак, Ливан и Газу [Wright, 2019].

Гибкость в сочетании с настойчивостью в афганской парадигме приносит Ирану определенные дивиденды. Тегеран публично осудил временное правительство талибов как «неинклюзивное» и дал понять, что в сложившейся ситуации отношения вряд ли будут дружескими. В результате иранцам удалось продвинуть в состав нового правительства талибов ряд своих сторонников. Так, влиятельные функционеры движения «Талибан» Мулла Абдул Кайюм Закир и Мулла Садр Ибрагим были назначены заместителем министра обороны и заместителем министра внутренних дел соответственно. Талибы также назначили в свой временный кабинет четырех других лиц, которые традиционно были связаны с Ираном. Министром торговли назначен таджик Хаджи Нооруддин Азизи, заместителем министра торговли – узбек Хаджи Мохаммад Башир, вторым заместителем министра торговли – Хаджи Мохаммад Азим Султанзаде. Заместителем министра здравоохранения назначен шиит-хазарейец доктор Мохаммад Хассан Гиизи. Новые назначения важны для иранцев, поскольку наиболее значимые посты в правительстве талибов занимают сторонники Пакистана, чрезмерное влияние которого может угрожать не только политическим, но и экономическим интересам Ирана.

Состоявшееся 27 октября 2021 г. совещание министров иностранных дел стран-соседей Афганистана можно считать очередной попыткой Ирана играть чуть ли не доминирующую роль в судьбе этой страны. Талибы, опасаясь заявлений в поддержку Фронта национального спасения, не приняли участия в данном совещании, однако в целом сочли, что встреча принесла положительные результаты. Иран, в частности, предложил «дорожную карту» афганского урегулирования, которая предполагает ответственность талибов за безопасность различных групп населения, включая обеспечение прав женщин; формирование инклюзивного правительства; неиспользование территории Афганистана в террористических целях против соседних государств; оказание Афганистану срочной гуманитарной помощи; разработка механизма сотрудничества служб безопасности; посредничество ООН для достижения соглашения между афганскими сторонами о политическом устройстве страны. Иранская «дорожная карта» легла в основу принятого министрами иностранных дел Ирана, Китая, Пакистана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и России совместного заявления [Министры иностранных дел стран-соседей, 2021].

Продвинутые связи Тегерана с непризнанным Исламским Эмиратом Афганистан иранцы объясняют реформированным характером нового государственного образования, которое отличается от того, что было в 1990-х гг. Налицо стремление иранского религиозно-политического руководства легитимизировать сотрудничество с талибами, которые по-прежнему негативно воспринимаются не только частью мировой, но и иранской общности, где их называют такфиристами¹. Поэтому Тегеран прибегает к осторожной риторике в отношении новых афганских властей, чтобы сохранить хрупкий баланс. Хотя некоторые подвижки с точки зрения уважения прав этнических меньшинств есть, например, разрешение шиитам-хазарейцам проводить траурные ритуалы Ашуры² в Афганистане. Однако открытым остается вопрос, продолжится ли данная линия поведения у новых властей или радикальные настроения у отдельных категорий талибов возьмут верх, что может привести к ирано-афганскому конфликту.

¹ Такфиризм – обвинение в неверии (куфр) мусульман.

² Ашура – траурная церемония у шиитов в память о мученической гибели в 680 г. сына Али, внука пророка Мухаммада – имама Хусейна.

Благодаря прагматичному подходу Ирану удалось не только поддерживать добрососедские отношения с правительством Исламской Республики Афганистан, но и приобрести в качестве партнера вооруженную афганскую оппозицию в лице движения «Талибан» [Федорова, 2019, с. 136–141]. Публичный характер двусторонних отношений способствовал активному развитию контактов в политической, экономической и гуманитарной областях, расширяя иранское влияние в Афганистане [Press Conference of the President of Iran, 2022]. Для региональной стабильности и международной политики в целом, а также для безопасности Ирана будет иметь значение способность Кабула и Тегерана купировать потенциальные вызовы (афганские беженцы, наркотрафик, террористические угрозы, проблемы водопользования), не доводя их до взрывоопасного состояния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Министры иностранных дел стран-соседей Афганистана приняли совместное заявление. *Интерфакс*. 28.10.2021 [Foreign Ministers of Afghanistan's Neighboring Countries Adopted a Joint Statement. *Interfax*. 28.10.2021. <https://www.interfax.ru/world/799977> (accessed: 03.04.2022) (in Russian)].

Сажин В.И. Афганистан – «кладбище империй» (внутренние противоречия, Иран и другие). *Международная жизнь*. 30.07.2021. <https://interaffairs.ru/news/show/30974> [Sazhin V.I. Afghanistan – a “Graveyard of Empires” (Internal Contradictions, Iran and Others). *The International Affairs*. 30.07.2021 (accessed: 07.04.2022) (in Russian)].

Федорова И.Е. Ирано-афганские отношения на современном этапе. *Восточная аналитика*. 2019. № 4. С. 135–141 [Fedorova I.E. Relations Between Iran and Afghanistan at the Present Stage. *Eastern Analytics*. 2019. No. 4. Pp. 135–141 (in Russian)].

Alexandris I. Iran – Taliban Relations: What to Expect. *Global Risk Insights*. November, 2021. <https://globalriskinsights.com/2021/11/iran-taliban-relations-what-to-expect/> (accessed: 10.04.2022)].

Ayoob M. Enemy of my Enemy: Iran and the Taliban. *The Strategist*. October, 2021. <https://www.aspistrategist.org.au/enemy-of-my-enemy-iran-and-the-taliban/> (accessed: 09.04.2022).

Bolourchi N. Iran's Strategy in Afghanistan: Pragmatic Engagement with the Taliban. *Newlines Institute*. September, 2021. <https://newlinesinstitute.org/afghanistan/irans-strategy-in-afghanistan-pragmatic-engagement-with-the-taliban/> (accessed: 13.04.2022).

Choksy J., Choksy C. “No Friend of Iran”: Tehran's Responses to the Taliban's Return to Power in Afghanistan. *E-International Relations*. September, 2021. <https://www.e-ir.info/2021/09/13/no-friend-of-iran-tehrans-responses-to-the-talibans-return-to-power-in-afghanistan/> (accessed: 16.04. 2022).

Christensen J. B. Strained Alliances, Iran's Troubled Relations to Afghanistan and Pakistan. *DIIS Report*. March, 2011. <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/59867/1/656976020.pdf> (accessed: 20.04.2022).

Clarke C. Iran's Interests in Afghanistan. *Center for Strategic and International Studies*. September, 2021. <https://www.csis.org/analysis/irans-interests-afghanistan> (accessed: 25.04.2022).

Divsalar M. Fatemiyou'n's Future Home: Syria, Iran or Afghanistan? *Radio Zamaneh*. April, 2019. <https://en.radiozamaneh.com/29273/> (accessed: 29.04.2022).

Fathollah-Nejad A., Azizi H. Iran and the Taliban after the US fiasco in Afghanistan. *Middle East Institute*. September, 2021. <https://www.mei.edu/publications/iran-and-taliban-after-us-fiasco-afghanistan> (accessed: 03.05.2022).

Gohel S. M. Iran's Ambiguous Role in Afghanistan. *Combating Terrorism Center*. March, 2010. Volume 3. Issue 3. <https://ctc.usma.edu/irans-ambiguous-role-in-afghanistan/> (accessed: 05.05.2022).

Hussain K. Why the Taliban Won't Cut Ties with Iran. *The Diplomat*. February, 2020. <https://thediplomat.com/2020/02/why-the-taliban-wont-cut-ties-with-iran/> (accessed: 06.05.2022).

Iran Foreign Minister Meets Senior Taliban Official in Tehran. *Reuters*. November, 2019. <https://www.reuters.com/article/us-iran-afghanistan-meeting-idUSKBN1Y10N0> (accessed: 04.05.2022).

Jones S.G. The Rise of Afghanistan's Insurgency: State Failure and Jihad. *International Security*. 2008. Vol. 32, No. 4. <https://www.jstor.org/stable/30129790> (accessed: 24.06.2022).

Lim K. Afghanistan Is a Bigger Headache for Tehran than it is Letting on. *Foreign Policy*. September, 2021. <https://www.com/2021/09/15/afghanistan-iran-taliban/> (accessed: 08.05.2022).

Mohajerani M. Hidden Aspects of Tehran's Peace Initiative for Afghanistan. *Mehr News*. July, 2021. <https://en.mehrnews.com/news/176389/Hidden-aspects-of-Tehran-s-peace-initiative-for-Afghanistan> (accessed: 08.05.2022).

Nadimi F. Iran Sets its Eyes on Afghanistan. *Washington Institute*. July, 2021. <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/iran-sets-its-eyes-afghanistan> (accessed: 10.05.2022).

Press Conference of the President of Iran. *Website of the President of Iran*. 26 June, 2022. <https://www.president.ir/en/137501> (accessed: 26.06.2022).

Ramani S. Are Afghanistan-Iran Relations on the Mend? *The Diplomat*. August, 2018 (1). <https://thediplomat.com/2018/08/are-afghanistan-iran-relations-on-the-mend>

Ramani S. Managed Instability: Iran, the Taliban, and Afghanistan. *The Diplomat*. November, 2018 (2). <https://thediplomat.com/2018/11/managed-instability-iran-the-taliban-and-afghanistan/> (accessed: 17.05.2022).

Rubin B. A New Look at Iran's Complicated Relationship with the Taliban. *War on the Rocks*. September, 2020. <https://warontherocks.com/2020/09/a-new-look-at-irans-complicated-relationship-with-the-taliban/> (accessed: 18.05.2022).

Takeyh R. Where Iran Stands on the Taliban Takeover in Afghanistan. *Council on Foreign Relations*. August, 2021. <https://www.cfr.org/in-brief/where-iran-stands-taliban-takeover-afghanistan> (accessed: 19.05.2022).

Tehran Accused of Complicity in Growing Weapons Trade. *Refworld*. April, 2009. ARR No. 319. <https://www.refworld.org/docid/49f7ff55c.html> (accessed: 19.05.2022).

Toumaj A., Rondeaux C., Ammar A. Soleimani's Shadow, The Fatemiyoun Division & Iran's Proxy Warfare Propaganda. *New America*. July, 2021. <https://www.newamerica.org/international-security/reports/soleimanis-shadow/> (accessed: 20.05.2022).

Why Is Iran Growing Closer to Taliban? The Answer Lies in the History of Their Stormy Relationship. *The Week*. August, 2021. <https://www.theweek.in/news/world/2021/08/17/why-is-iran-growing-closer-to-taliban-the-answer-lies-in-the-history-of-their-stormy-relationship.html> (accessed: 23.05.2022).

Worden S. Iran and Afghanistan's Long, Complicated History. *USIP Staff*. June, 2018. <https://www.usip.org/publications/2018/06/iran-and-afghanistans-long-complicated-history> (accessed: 27.05.2022).

Wright R. Iran Entrenches Its "Axis of Resistance" Across the Middle East. *IROON*. September 20, 2019. <https://iroon.com/irtn/blog/14357/iran-entrenches-its-axis-of-resistance-across-the-middle-east> (accessed: 24.06.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МАЧИТИДЗЕ Георгий Григорьевич –
кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник Института международ-
ных исследований МГИМО МИД РФ, Москва,
Россия.

Georgy G. MACHITIDZE, PhD (History),
Senior Research Fellow, Institute for International
Studies of MGIMO (University), Moscow,
Russia.